

Максимов Владимир Владимирович

ОМНИПОЭТИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ И СТРАТЕГИИ В КОНТЕКСТЕ ВОЕННОЙ ПРОЗЫ 1940-2010-Х ГГ.

В статье рассматривается вопрос о нарративном статусе персонального имени в составе литературной субтрадиции, посвященной теме войны 1941-1945 гг. Предпринимается попытка классифицировать актуальные омнипоэтические сценарии. Общее движение осмысляется не только как расширение пространства актуальных стратегий, но и как переход от стратегии символической семантизации имени (1940-50-е гг.) к стратегии повествовательного обыгрывания имен (1960-2010-е гг.) и деконструкции персонального имени.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/6-2/31.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 123-125. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82.0

Филологические науки

В статье рассматривается вопрос о нарративном статусе персонального имени в составе литературной субтрадиции, посвященной теме войны 1941-1945 гг. Предпринимается попытка классифицировать актуальные мультиэтические сценарии. Общее движение осмысляется не только как расширение пространства актуальных стратегий, но и как переход от стратегии символической семантизации имени (1940-50-е гг.) к стратегии повествовательного обыгрывания имен (1960-2010-е гг.) и деконструкции персонального имени.

Ключевые слова и фразы: военная проза; нарративная модель; мультиэтические сценарии и стратегии; сюжет; автор; повествователь; рассказчик; герой; персонаж; композиция; идеология; персональное имя.

Максимов Владимир Владимирович, к. филол. н., доцент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

v_v_maksimov@rambler.ru

**ОМНИПОЭТИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ И СТРАТЕГИИ
В КОНТЕКСТЕ ВОЕННОЙ ПРОЗЫ 1940-2010-Х ГГ. ©**

Одной из актуальных проблем гуманитарных наук является проблема комплексного осмысления персонального имени в контексте дискурсивных практик современности. Представители различных гуманитарных наук рассматривают имя как многоаспектный объект: философы осмысливают имя в его онтологической весомости [3; 5; 10]; политологи и социологи анализируют имя как способ распределения в социальном поле ресурсов символической власти [4; 7]; для искусствоведов имя становится ключом к проблеме авторизации произведения искусства [2]; психологи «читают имена» как знаки индивидуальной и коллективной самоидентификации современного человека [1]; историки и теоретики культуры видят в имени особую смысловую организованность и универсальный знак [6; 8].

В контексте культурологических и литературоведческих исследований магистральные номинативные стратегии интерпретируются как производные от совокупности операций смыслопорождения, которые распределяются по двум полюсам – конструктивному (утверждение имени) и деструктивному (отрицание имени).

Если суммировать все операции с именем, отмеченные исследователями, то можно представить своеобразную номинативную модель культуры, включающую в свой состав двенадцать базовых стратегий номинации и, соответственно, шесть основных ценностно-смысловых оппозиций, в центре которых находится имя:

наследование – изобретение;

дарение – отнимание;

присвоение – отчуждение;

оберегание – искажение;

хранение – потеря;

утаивание – самозванство.

Во всех перечисленных направлениях работы с именем оно, не утрачивая своего фактического содержания (отнесенность к конкретному человеку), приобретает дополнительные смысловые грани, становясь способом символической репрезентации, что всецело зависит от особенностей того или иного дискурса.

В рамках предлагаемой публикации предпринимается попытка систематизации мультиэтических сценариев и стратегий, актуальных в контексте литературной субтрадиции, посвященной теме Великой Отечественной войны. По нашему мнению, в рамках указанной повествовательной субтрадиции можно выделить несколько определяющих сценариев антропономинативности. Перечислим их.

0. В качестве порогового (нулевого) сценария, следует указать на вариант, обходящийся без персональных имен. Так, в коротких военных нарративах А. Платонова такая установка определяется исключительно жанровым заданием произведений, которые часто создаются на основе притчи, а притча моделирует ситуации выбора, которые касаются вообще человека, всех и каждого – «Одушевленный враг».

1. Исходный сценарий представлен в том случае, когда главный герой создается автором на основе определенного документального материала, то есть у героя имеется прототип. Здесь писатель может не изменять имени героя (А. Фадеев «Молодая гвардия», В. Карпов «Полководец»), может частично изменять форму имени, но так, чтобы читатель легко догадался о какой реальной социоисторической фигуре идет речь (Мересьев – Маресев у Б. Полевого в «Повести о настоящем человеке»), наверное, крайним вариантом такого сценария является существенное изменение фамилии прототипа, созданное на основе определенной языковой игры (Пяткин – Локотков у Ю. Германа в «Операции “С Новым годом!”»).

2. Чаще всего мультиэтическая тактика писателя ориентируется на имена, обладающие устойчивым контекстом культурных значений и связанных с традицией русской антропонимики. Здесь само значение имени определяет отличительные особенности персонажа, работает на его характерологический минимум, но при этом читатель имеет дело не со становящимся смыслом, а с оформившимся и даже осевшим в словах и культурной памяти значением.

3. В качестве наиболее распространенного сценария следует выделить мультиэтическую тактику, репрезентирующую такую семантику, которая отличается смысловой подвижностью и символической

многозначностью, что определяется базовыми концептами русской языковой картины мира (например, это ряд героев, объединенных природной семантикой: у Э. Казакевича – Травкин, Мещерский, Голубь из «Звезды», Лубенцов из романной дилогии; Серпилин из «Живых и мертвых» К. Симонова; братья-близнецы Березкины из повести Ю. Бондарева «Батальоны просят огня»).

4. Наконец, следует отметить стратегию «повествовательного обыгрывания имени» и ряд уникальных случаев, возникающих как ее результат, реализованной в том или ином тексте. О каких произведениях в данном случае идет речь.

В романе Б. Васильева «В списках не значился» герой прибывает в Брестскую крепость 22 июня 1941 года. Он не успевает оформиться в части и собственно на официальном уровне действительно не значится в списках, Нарративный парадокс состоит в том, что повествователь сразу сообщает персональное имя героя, а следовательно, его узнает и нарратор, и читатель, но для других персонажей он, как правило, остается безымянным защитником крепости.

Еще один парадоксальный вариант представлен в повести В. Быкова «Обелиск». Отсутствие на памятнике погибшим в апреле 1942 г. в небольшой белорусской деревне Сельцо имени Мороза мотивировано наличием документов, бросающих тень на учителя, что искажает правду о последних днях его жизни и замалчивает его подвиг. Мороз не сдался в плен, он добровольно пришел в немецкую комендатуру, чтобы спасти своих учеников. Напомним, что плен в годы войны приравнялся к предательству, и бывшие пленные оказывались в скором времени уже в ГУЛАГе.

Пожалуй, самым необычным оказался один из omnipotических метасюжетов В. П. Астафьева, рассказывающий о том, как довоенное имя обитательницы небольшого уральского городка Канавинска (Саши Краушкиной) было замещено новым фронтовым именем («рядовой Индия»).

Многообразие уникальных сценариев обыгрывания имени предполагает необходимость более системного ответа на вопрос о том, в каких направлениях может проявляться данная нарративная игра [9]?

Согласно авторитетной концепции В. Шмида, в нарративной модели произведения необходимо разграничивать три достаточно автономных уровня коммуникации:

- «цитируемый мир» (персонаж – персонаж),
- собственно повествовательный уровень (нарратор – нарратор),
- изобразительный уровень (автор – читатель) [11].

Безусловно, все, что представлено в произведении, является результатом авторского изобретения, в том числе персонажи и их имена, или значимое отсутствие имен. Однако, по точному замечанию Бахтина, «автор в произведении облечен в молчание» [2], он присутствует только в смысловом целом художественного произведения.

Отличие от автора, повествователь или рассказчик выполняют локальную художественную функцию – они представляют нарративный аспект произведения: сюжетную историю и магистральный ряд сюжетообразующих событий. Эти медиальные фигуры могут быть либо ближе к авторскому уровню завершающего видения поэтической реальности, либо отступать от нее на какое угодно смысловое расстояние, вплоть до критического отношения. Здесь персональное имя фиксируется в слове нарратора в двух возможных направлениях: событийном (пунктирное построение сюжета имени, иногда не совпадающего с сюжетом носителя имени); идеологическом (построение осмысливающей позиции как оценка и переоценка имени).

Наконец, не теряя опосредованности позицией нарратора, имя может жить интенсивной жизнью в коммуникации между персонажами, что проявляется в таких, например, ситуациях, как «вынужденная или добровольная смена имени». Так, в упоминаемой повести Ю. Германа Лазарев (кстати, реальное лицо-прототип), сначала оказывается в немецком плену, затем бежит оттуда и попадает к партизанам, где ему не доверяет никто. Но для выполнения дерзкой операции (похищение руководителя немецкой диверсионной школы) перебежчика отправляют снова к немцам, меняя в его документе только одну букву – Лазарев, тем самым формально предостерегаясь от провала. Казалось бы, эта ситуация воспроизводит omnipotическую тактику Б. Полевого. На самом деле с этого момента (вынужденной смены имени) в нарративной структуре произведения возникают различные способы введения имени персонажа:

- 1) Лазарев;
- 2) Лазарев;
- 3) Лазарев-Лазарев;
- 4) Лазарев-Лазарев.

При этом все случаи мотивированы не только на уровне нарратора, но и на уровне персонажей. Для немцев новичок – Лазарев, а не Лазарев; для самого Лазарева во внутреннем кругозоре его подлинное имя остается прежним, а во внешней ситуации он исполняет невероятно сложную и опасную роль чужого (предателя); остается он Лазаревым и для партизан, но в ситуации смертельного испытания проверке подлежит и имя. Кстати, Локотков, организатор операции, до последнего момента не уверен в успехе задуманного и в том, за того ли себя выдает Лазарев. Таким образом, для повествователя удвоенная форма имени главного героя становится основной, а если учесть, что таким же удвоенным именем отмечен и предатель (Гурьянов-Лукашевич), то принцип удвоения создает дополнительную сеть эквивалентностей и сложный уровень нарративной игры.

Наряду с многообразными тактиками именования, проявляющимися в контексте отдельного произведения, можно говорить о наличии omnipotических стратегий, которые обнаруживаются уже и на уровне персональных художественных систем, и на уровне жанров, и на уровне повествовательной традиции в целом.

Так, по отношению к рассматриваемой субтрадиции необходимо выделять две основные конкурирующие стратегии – «символической семантизации имени» (1940-50-х гг., ранняя фаза возникновения и становления традиции) и «повествовательного обыгрывания имен» (1960-2010-е гг., фазы ее утверждения и завершения).

Список литературы

1. Анцыферова И. С., Генисаретский О. И. Об иконической метамодели для гештальт-терапии // Труды лаборатории виртуалистики. М.: Институт человека РАН, 1995. Вып. 1. С. 53-62.
2. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Работы 1920-х гг. Киев: *Next*, 1994. С. 69-255.
3. Булгаков С. Философия имени // С. Булгаков. Соч.: в 2-х т. М. – СПб.: Искусство; Инапресс, 1999. Т. 2. С. 13-175.
4. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр., общ. ред. Н. А. Шматко. СПб. – М.: Алетейя; Институт экспериментальной социологии, 2005. 288 с.
5. Лосев А. Ф. Философия имени // Лосев А. Ф. Самое само: соч. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 29-204.
6. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф – имя – культура // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллинн: Александрия, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. С. 59-76.
7. Пятигорский А. М., Алексеев О. Б. Размышляя о политике. М.: Новое издательство, 2008. 190 с.
8. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. 1. Первый век христианства на Руси. 875 с.
9. Тюпа В. И. Омнипоэтика «Юрий Живаго» // Новый филологический вестник. М.: РГГУ, 2011. Вып. 18 (3). С. 138-145.
10. Флоренский П. Имена // П. Флоренский. Малое собр. соч. М.: Купина, 1993. Вып. 1. 319 с.
11. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

OMNIPOTETIC SCENARIOS AND STRATEGIES IN THE CONTEXT OF MILITARY PROSE OF THE 1940-2010S

Maksimov Vladimir Vladimirovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Research Tomsk Polytechnic University
v_v_maksimov@rambler.ru

The author considers the question of narrative status of personal noun in literary subtradition, devoted to the topic of war of 1941-1945, undertakes the attempt to classify the actual omnipoetic scenarios, and interprets the general movement not just as the extension of actual strategies space, but also as the transition from noun symbolic semantization strategy (the 1940-50s) to the strategy of the narrative playing of noun (the 1960-2010s) and the deconstruction of personal noun.

Key words and phrases: military prose; narrative model; omnipoetic scenarios and strategies; plot; author; narrator; storyteller; hero; character; composition; ideology; personal noun.

УДК 811.511.151

Филологические науки

В статье анализируются названия пояса и поясных принадлежностей в марийском языке с точки зрения их происхождения, определяются культурно- исторические связи марийцев с другими народами, выявляются в марийской лексической микросистеме финно-угорские лексемы, элементы балтийских, тюркских и русского языков, а также заимствования из татарского и чувашского языков.

Ключевые слова и фразы: марийский язык; названия пояса и поясных принадлежностей.

Малинина Светлана Александровна

Исанбаев Николай Исанбаевич, д. филол. н., профессор

Марийский государственный университет

markaf@marsu.ru

**ЛЕКСИКА МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ МАРИЙСКОГО НАРОДА:
НАЗВАНИЯ ПОЯСА И ПОЯСНЫХ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ©**

В марийском народном костюме пояс является незаменимой деталью в общем комплексе одежды и выполняет утилитарную функцию. Свидетельством этого является тот факт, что к нему подвешивали ножи, кожаные мешочки, а в настоящее время – мобильные телефоны. Кроме того, пояс снабжается также различными при-весками, играющими роль оберегов [18, с. 51]. Результаты археологических раскопок свидетельствуют о том, что ремень и его украшения носят следы сильного влияния племен степных районов. Аналоги древнемарийским поясам можно найти на территории от Алтая до Венгрии, где они известны в погребениях X в. [3, с. 37].

Рассмотрим названия пояса и поясных принадлежностей с точки зрения их происхождения.

1. МарЛ, В *ÿumö*, марГ *ÿumÿ*, марСЗ., *ÿ·štä* серн. [32, S. 69], *išta, ište, ešte* Г [29, S. 42, 209], яр. *ÿštñ*, малм. *ÿštq* [31, S. 27] 'пояс, ремень'. Ф. И. Гордеев [11, с. 111], И. С. Галкин [10, с. 44] полагают, что *ÿumö* представляет собой заимствование из балтийских языков. Для анализируемой лексемы Ф. И. Гордеев приводит общемар. *just и сопоставляет с лат. *josta* 'пояс', лит. *júosta* 'тж', *júosti* 'опоясывать, подпоясывать' и подвергает критике сопоставление Г. Берецки [6, с. 15], где марийская лексема этимологизируется языковыми данными финно-угорских языков, ср.: мар. *ÿumö*, комиЗ *вöнь* 'пояс', фин. *vud* 'пояс', венг. *öv* 'пояс' [11, с. 111]. Однако, как утверждает Г. Берецки, лит. *juosta* 'пояс', вопреки большому